

личности в условиях информационного общества.

Литература и источники

1. Самсоненко, Л. С. Изучение жизненных планов у современных старшеклассников / Л. С. Самсоненко // Балканско научно обозрение. – 2019. – № 3 (5).
2. Асанова, Н. В. Роль смысложизненных ориентаций в развитии личностной идентичности студента в образовательном процессе / Н. В. Асанова // Сибирский педагогический журнал. – 2012. – № 8.
3. Белогай, К. Н. Формирование образа будущего в период юности как проблема профессионального образования / К. Н. Белогай, Н. А. Бугрова // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2018. – № 43.

ДИСЛОКАЦИЯ КОЭВОЛЮЦИОННОЙ ЭКСПАНСИИ И БЕЗОПАСНОСТЬ В ГЕНЕРИРОВАНИИ РЕСУРСОВ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА

П. М. Бурак

На основании ряда исследований автор пришел к выводу о необходимости разработки проблемы социокультурной потребности в коэволюции, как одного из важнейших механизмов направленного развития внутрисоциальных и социоприродных отношений, что связано с организацией деятельности по достижению социальной и социоприродной безопасности. Состояние нестабильности в различных странах современного мира подтверждает актуальность и необходимость решения отмеченной проблемы во взаимосвязи с осуществлением стратегической цели достижения гармоничных отношений в обществе и социоприродном взаимодействии. Почему мы полагаем, что существует социокультурная потребность в коэволюции в социоприродном и внутрисоциальном отношениях на уровне индивида, социальной группы, общества, человечества в целом и насколько это важно для раскрытия заявленной темы, осмысления актуальности, теоретико-практической новизны, а также полезности полученного знания?

Во-первых, в условиях проявлений экологического, антропологического, экономического, духовного кризисов в жизни современной потребительской цивилизации, развертывающейся тенденции ее глобального нашествия, захватывающего все сферы жизни и все социальные группы общества и обуславливающего формирование основного вектора их жизненных притязаний, особенно заметной становится необходимость значительной активизации направленной филиации данной потребности во все структурные элементы и компоненты

мировоззрения, в систему нормативов социальных отношений, в проекты социального созидания и самосозидания, в развитие традиций гуманизма.

Во-вторых, потребность в коэволюции относится к фундаментальным потребностям и поэтому ее разностороннее исследование нацеливает на рефлексивное осмысление реальных возможностей ее присутствия в структуре пирамиды всех основных потребностей современного человека в качестве главного систематизирующего звена. Это звено необходимо для формирования новой, адекватной вызову времени целостности личности, уходящей от нормирования своей жизни преимущественно культурой потребительства, заключающегося в предпочтительности антропоцентрической полезности преобразующих действий. Социокультурный стержень новой целостности личности выявляется в социальном сотворчестве, активно утверждающим культуру созидательного потребления посредством продуктивного расширения воспроизводства способностей на основе стратегии взаимосообразного сохранения вновь образуемого единства человека и природы.

В-третьих, для того чтобы приблизиться к выявлению сущности и значения потребности в коэволюции для решения вопросов достижения безопасности в развитии внутрисоциальных и социоприродных отношений необходимо предварительно и желательнее поглубже раскрыть ее анатомию. В ряде своих работ мы установили, что к коэволюции некорректно относиться как к средству однозначно исцеляющему общество от односторонности антропоцентрической идеологии жизнеустройства, ведущей человечество по пути потребительства и опасного для него самого разрушения природных основ сохранения человека разумного.

Антропоцентризм имеет глубокие природно-биологические корни, которые заключаются, в особенности, в формировании и развитии на протяжении исторического процесса эволюции энергетической, биохимической, генетической, системоорганизующей, анатомо-физиологической, поведенческой и прочей неравновесности и асимметричности по отношению к неживой природе, направленной на противодействие энтропии. Это обеспечивало определенный «контроль» живого за изменениями окружающей среды и означало появление возможностей опосредования и своеобразного смягчения действия стихийной природной коэволюции, включающей опасные для жизни стихийные процессы, что повышало шансы самосохранения.

Коэволюция живой и неживой природы таким образом «превращалась» живым в асимметричную как важнейшее его адаптивное приспособление, способствующее самосохранению, ибо в определенной степени устранялись опасные для жизни проявления стихии природного взаимозависимого развития. Найденное «решение» в специфических

формах эволюционно распространилось на внутри – и межвидовые взаимосвязи в мире самого живого. Возникли самые разнообразные сохраняющие, адаптивные укрытия – норы, гнезда, плотины, муравейники и т. п., что В. И. Вернадский называл «техникой жизни». Человек, как живое существо, как органическая часть биосферы прошел длительный исторический путь качественного совершенствования технологий создания укрытий сохраняющих его жизнь от воздействия неблагоприятных проявлений стихийной природной коэволюции вплоть до техносферы глобальных масштабов. Тем самым он в таких же масштабах фактически стихийно осуществил проект формирования асимметричной коэволюции для собственного сохранения, но при этом перешел допустимый предел разрушения естественной природы и это означает что он собственноручно запустил никем не контролируемый механизм искусственно созданной стихийной коэволюции, которая запустила новые процессы неблагоприятных, опасных для самого человека природных изменений.

В-четвертых, биологическая жизнь «растеклась» по нашей планете, изменяя ее, превращаясь в мощную геологическую силу (В. И. Вернадский) и одновременно изменяясь сама (коэволюция), а следом за ней человек «освоил» и «присвоил» весь земной шар с «успехом» лишая жизни множество биологических видов из общего дома – биосферы. Такая экспансия в обоих случаях осуществляется по типу асимметричной коэволюции состоящей в генерировании ресурсов как биологических (внутренних), так и неживой природы, при одновременном совершенствовании соответствующих форм жизни. Существенная разница в том, что человек проводит стратегию асимметричного подчинения в развертывании им коэволюции живой и неживой природы поскольку он не в состоянии отменить закон их взаимозависимого существования, взаимообусловленных изменений. В. И. Вернадский писал, что «живое вещество» создает стихийно среду своего существования.

В-пятых, из сказанного выше вытекает, что природную и социоприродную коэволюцию некорректно рассматривать в качестве однозначного блага как в сохранении биологической жизни, так и в формировании гармоничных отношений общества и природы. Явление коэволюции фактически выражает экспансию по генерированию ресурсов сохранения ее «участников», представляющих формы биологического и биосоциального бытия. Это означает, что коэволюция протекает как процесс взаимосвязанных тенденций упорядочения и разупорядочения, созидания и разрушения. Поэтому главный вопрос достижения гармоничных отношений в обществе и в социоприродном взаимодействии заключается в компетентной регуляции соотношения противоположных, различных ее тенденций.

В-шестых, данное методологическое требование весьма актуально для развития стратегии коэволюционного регулирования отношений

между различными субъектами современной истории, поскольку во многом социальная нестабильность коренится в асимметричной экспансии генерирования ресурсов иных субъектов, обусловленной интенциями новой антропоцентрической стратегии, с применением разнообразных современных технологий разупорядочения ресурсов, их целостности и самосохранения. Коэволюционные механизмы могут конструироваться и использоваться в целях достижения односторонней выгоды и, таким образом, коэволюция может быть превращена в средство нестабильности.

В этой связи есть два вопроса: изучение онтологической сущности коэволюции и предотвращение разрушительного направления дислокации коэволюционной экспансии в процессах одностороннего генерирования ресурсов стабильного социокультурного бытия человека и общества и переход к гармоничной системе социальных отношений на основе взаимовыгодной, созидательной направленности коэволюции. В этом и состоит суть решения проблемы формирования потребности в коэволюции как социокультурном феномене.

МЕЖДУНАРОДНО ПРИЗНАННОЕ ПРАВО НА СВОБОДУ СОВЕСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

С. А. Бурьянов

Международно признанное право на свободу совести, как возможность свободного мировоззренческого выбора, является юридическим измерением духовно-нравственной сферы современного глобализирующегося общества [6]. В условиях неравномерного развития глобальных процессов и беспрецедентного развития глобальных цифровых технологий крайне остро проявляют себя риски их использования для нарушений прав человека, включая право на свободу совести.

Эволюция концепции международно признанной свободы совести прошла путь от защиты прав религиозных меньшинств на основе межгосударственных соглашений в XVI в. к становлению международной защиты религиозной свободы в XVIII в. – первой половине XX вв (в рамках Лиги Наций) и закреплению и развитию свободы мысли, совести и религии, как составляющей международной системы защиты прав человека в середине XX в. – конце XX в (в рамках Организации Объединенных Наций, региональных и субрегиональных организаций). Международно признанное право на свободу совести, концепция мировоззренческого нейтралитета государств тесно взаимосвязаны с толерантностью и противодействием ксенофобии, нетерпимости и дискриминации, закрепленных в принципах и нормах международного права, а также во внутригосударственном праве России и других государств [4, с. 25–28].